

ПЕРЕКРЕСТЬЯ
РУССКОЙ
МЫСЛИ

андрей
ТЕСЛЯ

Петр Яковлевич
ЧААДАЕВ

сборник
ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ
ПИСЬМА,
адресованные даме

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч-12

*Составление, вступительная статья
и дополнительные материалы А. А. Тесли*

Чаадаев, П. Я.

Ч-12 А. А. Тесля: Философические письма, адресованные даме / П. Я. Чаадаев ; [сост., вступ. ст. и доп. мат. А. А. Тесли]. – М. : РИПОЛ классик. – 554 с. – (Перекрестья русской мысли).

ISBN 978-5-519-64461-7

Современный читатель и сейчас может слышать эхо горячих споров, которые почти два века назад вели между собой выдающиеся русские мыслители о судьбах России и ее историческом пути. В книгах серии «Перекрестья русской мысли с Андреем Тесли» делается попытка создать точную и объемную картину интеллектуальной жизни России XIX века.

Петр Яковлевич Чаадаев – колоссальная фигура эпохи, человек, оказывавший огромное влияние на своих современников и по сей день стоящий особняком в картине общественной мысли России. Данный сборник включает себя все главные тексты Чаадаева: «Философические письма», «Апологию сумасшедшего» и избранные письма.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Тесля А. А., составление,
вступительная статья,
дополнительные материалы, 2016
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ISBN 978-5-519-64461-7

Андрей Тесля

НЕИЗМЕННОСТЬ ЧААДАЕВА¹

---

¹ Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6. Тема: «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

Данная статья является существенно расширенным вариантом одноименной статьи, опубликованной: Социологическое обозрение. — 2016, Т. 15, № 3.

Чаадаев был умен, остер на язык и саркастичен; он был недоволен почти всем, что делалось вокруг него; он держался независимо и жил вне службы; наконец, он был друг декабристов и опального Пушкина и за его статью был закрыт журнал. Таких данных, пожалуй, и теперь было бы достаточно, чтобы составить человеку репутацию либерала.

М.О. Гершензон, 1908 г.

МОСКОВСКИЙ СТАРОЖИЛ

Когда 14 апреля 1856 г. во флигеле дома на Новой Басманной, который он занимал более двух десятилетий, скончался Петр Яковлевич Чаадаев, «Московские ведомости» напечатали следующее объявление:

Скончался «один из московских старожил, известный во всех кружках столицы».

Затруднение редактора в подборе слов для определения покойного не сложно понять — Чаадаев был одной из московских знаменитостей, но в то же время не обладал ни чинами, ни каким-либо официальным положением, которое

можно было упомянуть в некрологе; некогда будучи состоятелен — к концу жизни едва имел чем жить, да и то скорее по доброте людей, его окружавших; даже литератором его назвать было невозможно — ведь при жизни были опубликованы всего две его статьи, причем первая — размером в четыре страницы, а вторая, которую в сравнении с первой можно назвать обширной, уместилась менее чем на полсотне страниц совсем небольшого формата.

Чаадаева знала вся Москва — т.е. все те, кого называли «хорошим обществом», но за пределами этого круга его известность сводилась к скандальной истории публикации «Философического письма к даме» и высочайшему объявлению сумасшедшим. Впрочем, и салонная известность Чаадаева во многом покоилась на тех же основаниях: он был интересен, необычен, об идеях его судили превратно — сводя до нескольких реплик, как то обычно и бывает, — основания которых легко найти в его собственных текстах, но которые от повторения и не очень задумывающейся интерпретации уходили все дальше от исходного содержания.

Уже при жизни, а в особенности в ближайшее десятилетие после смерти возобладали два основных способа понимать взгляды Чаадаева. Для одних, в первую очередь для Герцена, еще при жизни Чаадаева успевшего написать о нем в своем заграничном, обращенном к европейской аудитории памфлете «О развитии революционных идей в России» (1851), он вошел в длинный перечень борцов за свободу — между декабристами и самим Герценом:

«[...] письмо разбило лед после 14 декабря. Наконец пришел человек, с душой, переполненной скорбью; он нашел страшные слова, чтобы

с похоронным красноречием, с гнетущим спокойствием сказать все, что за десять лет накопилось горького в сердце образованного русского. Письмо это было завещанием человека, отрекающегося от своих прав не из любви к своим наследникам, но из отвращения; сурово и холодно требует автор от России отчета во всех страданиях, причиняемых ею человеку, который осмеливается выйти из скотского состояния. [...] Да, этот мрачный голос зазвучал лишь затем, чтобы сказать России, что она никогда не жила по-человечески, что она представляет собой „лишь пробел в человеческом сознании, лишь поучительный пример для Европы“. Он сказал России, что прошлое ее было бесполезно, настоящее тщетно, а будущего никакого у нее нет»¹.

Если для Герцена религиозное содержание идей Чаадаева объяснялось как следствие места и времени, нечто, что скрывает совсем иное содержание — скрывает в том числе и от самого автора, — то для круга «русских католиков» именно оно предсказуемо стало основным. Чаадаев в интерпретации о. Ивана Гагарина (издавшего в 1862 г. в Париже по копиям, предоставленным М.И. Жихаревым, первое собрание сочинений Чаадаева, на полвека ставшее основным источником сведений для тех, кто не желал ограничиваться краткими сведениями из вторых и третьих рук) стал представителем католической идеи в России — более того, тем, кто осмелился не только признать правоту католичества, но и гласно заявить об этом в момент утвержде-

---

¹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений: В 30 т. Т. VII. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 221–222.

ния православия в качестве первого члена национальной триады.

Следует отметить, что каждая из этих интерпретаций не была лишена оснований: они не были заблуждением, но в то же время рисовали облик совсем иного лица, не совпадающий с Чаадаевым. Помещая Чаадаева в контекст «развития революционных идей», Герцен и его последователи предлагали счесть религиозное основание его мысли — исторической подробностью, но при таком подходе речь шла уже не о Чаадаеве, а об общественном значении его идей, несмотря или вопреки тому, что имел в виду и стремился сказать сам автор. В логике «русского католичества» затруднение было еще более примечательным: Чаадаев сам не перешел в католичество, т.е. либо между его словами и его делами образовывался разрыв, либо же его слова были поняты не вполне, если предположить, что Чаадаев был достаточно последователен хотя бы в том, что объявлял важнейшим.

Жизнь Чаадаева в глазах публики вся сфокусировалась вокруг событий нескольких последних месяцев 1836 г., когда в не очень популярном, сравнительно мало читаемом московском журнале «Телескоп» вышла его статья: «это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, — все равно, надобно было проснуться»¹. До этого времени о нем знали не очень много — после этого о Чаадаеве в основном знали только эту историю.

Петр Яковлевич Чаадаев был вторым (и последним) ребенком в семействе Якова Петровича Чаадаева и Натальи Михайловны, урожденной княжны Щербатовой, — так что

---

¹ Герцен А.И. Былое и думы: Части 4–5 / Коммент. Г.Г. Елизаветиной. — М.: Художественная литература, 1982. С. 111.

Михаил Михайлович Щербатов, депутат Уложенной комиссии и автор «Истории Российской»¹, приходился Петру Яковлевичу дедом. Родившись 27 мая 1794 г., Чаадаев уже не застал кн. Щербатова, скончавшегося четырьмя годами ранее, впрочем, и родителей своих ему запомнить не довелось: отец умер в следующем году, а два года спустя скончалась и матушка, так что воспитание двух братьев (Михаил родился в 1792 г.) взяли на себя тетушка, Анна Михайловна Щербатова, и дядя, Дмитрий Михайлович Щербатов.

По словам М.И. Жихарева, наиболее близкого к Чаадаеву в последний период его жизни, тетушка, получив известие о смерти своей сестры, «в самое неблагоприятное время года², весною, в половодье, не теряя ни минуты отправилась за ними, с опасностью для жизни переправлялась через две разлившиеся реки — Волгу и какую-то другую, находившуюся по дороге, добралась до места, взяла малюток, привезла в Москву, где и поместила вместе с собой, в небольшом своем домике, бывшем где-то около Арбата»³. Тетушке было суждено дожить до 1852 г. и скончаться в глубокой старости (родилась она в 1761 г.), непрестанно заботясь (как умея — была она женщиной доброй, но простой) о своих племянниках, из которых старший, Михаил, непре-

---

¹ А также знаменитого памфлета «О повреждении нравов в России», который впервые опубликует уже после смерти внука автора Герцен (1858) в своей лондонской типографии, в одном томе с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева.

² Наталья Михайловна Чаадаева скончалась 8 марта 1797 г.

³ Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников) / Под ред. И.А. Федосова; вступ. ст. Н.И. Цимбаева. — М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 51.

менно отвечал на это почтительными письмами. В 1834 г. она, например, писала последнему:

«Благодарю Всевышнего, что избрал меня служить вам матерью в вашем детстве, и в вас нахожу не племянников, но любезных сыновей; ваше благорасположение доказывает мне вашу дружбу, но и я, будьте уверены, что я вас люблю паче всего; нет для меня ничего любезнее вас, и тогда только себя счастливо нахожу, когда могу делить время с вами»¹.

Состояние досталось им от родителей более чем достаточное — около одного миллиона рублей на двоих, воспитание они получали сперва домашнее, а затем в 1808 г. поступили в Московский университет, где их сотоварищами сделали А.С. Грибоедов, Д.А. Облеухов, братья Л. и В. Перовские, И.М. Снегирев, Н.И. Тургенев, И.Д. Якушкин.

Для того времени и той среды дружба значила очень много — отношения, обретенные в юности, продолжались всю жизнь². Так, после приговора по делу декабристов, по которому Якушкин за умысел на цареубийство был приговорен к смертной казни, замененной каторгой, Чаадаев навещает его семью, как и брат Михаил, и затем, по мере того как сыновья Якушкина, Вячеслав (1823) и Евгений (1826) подрастали, охотно принимал их на Басманной, а уже после смерти Чаадаева Евгений Якушкин собирал материалы о нем, сожалея, что не успел записать устные воспоминания Петра Яковлевича, опубликовал в «Библиографических

---

¹ Цит. по: Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Избранное: В 4 т. Т. 1: Мудрость Пушкина / Сост. С.Я. Левит, коммент. Е.Ю. Литвин, В.Ю. Проскурина. — М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 384.

² См.: Жихарев М.И. Указ. соч. С. 58, 66.